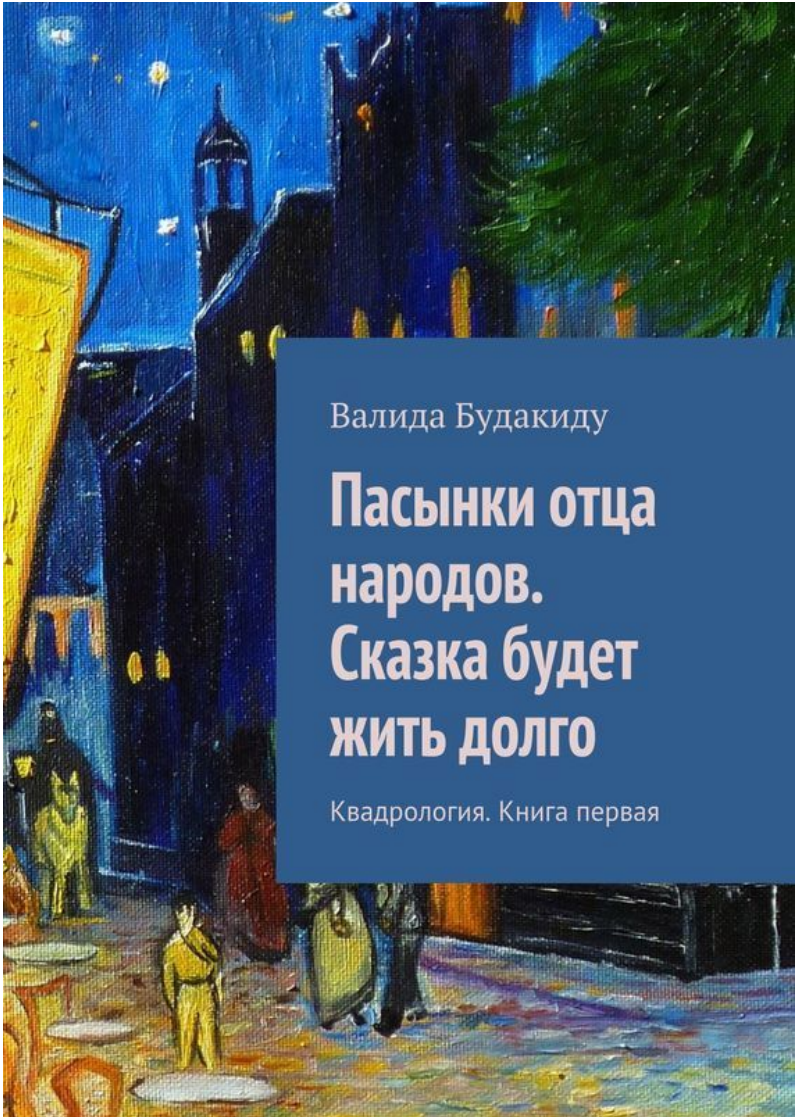

Валида Будакиду

Пасынки отца народов. Сказка будет жить долго

Квадрология. Книга первая

Валида (Фрида Хофманн) Будакиду

Пасынки отца народов. Сказка будет жить долго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11956079
ISBN 9785447424978

Аннотация

Чем старше становилась Аделаида, тем жизнь ей казалась всё менее безоблачной и всё менее понятной. В самом Городе, где она жила, оказывается, нормы союзного законодательства практически не учитывались, Уголовный кодекс, так сказать, был не в почёте. Скорее всего, большая часть населения о его существовании вовсе не подозревала. Зато были свои законы, обычаи, правила, оставленные, видимо, ещё Тамерланом в качестве бартера за городские руины…

Содержание

Вступление	5
Глава 1	11
Глава 2	35
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пасынки отца народов. Сказка будет жить долго
Квадрология. Книга первая

Валида Будакиду

© Валида Будакиду, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление
К моему читателю. Попытка исповеди

Террор – это не только устрашающие террористические акты, он может носить форму обыденного насилия в нашей повседневной жизни. Это драки и издевательства в школе, ограбление на улице, рукоприкладство в семье, или жестокое отношение к более слабому и беззащитному. Самой уродливой и страшной формой террора является каждодневное, методичное издевательство над ребёнком, завуалированное термином «строгость воспитания», приводящее к полнейшему разложению его личности и тотальной неспособности адаптироваться в обществе. Чаще всего, это приводит к ужасным, совершенно непредсказуемым последствиям, от превращения, казалось бы, обычного тихого ребёнка в убийцу-маньяка до тяжёлых психических отклонений, таких как включение программы «на самоуничтожение». Одинаково часто эти проблемные дети вырастают и в «неблагополучных семьях», где родители могут быть психически нестабильными: наркоманами, алкоголиками и так далее, и во внешне благополучных. Тем не менее – «неблагополучные» семьи менее опасны для общества, потому как их жизненный уклад, личностное разложение, открыто агрес-

сивное поведение настораживает и предупреждает окружающих об опасности. Когда же ребёнок воспитывается в с виду практически «образцовой» семье, где родители имеют не одно высшее образование, обладают интеллектом, ни у кого не возникнет мысли, что такая семья может вырастить монстра или наоборот – затравленного параноика с самооценкой равной абсолютному нулю по Кельвину. Но такие «чистые» условия, исключительно «семья-ребёнок» в природе встречаются крайне редко. Часто разложению личности способствуют ещё внешние факторы, либо тяжелейшие психические отклонения, известные в психиатрии как раздвоение личности. Иногда эти факторы накладываются, и тогда судьба ребёнка окончательно решена.

«ПАСЫНКИ ОТЦА НАРОДОВ» вполне можно назвать документом эпохи, когда было совершенно неясно, почему слово «диктатура» (в переводе с греческого – «насилие») в отношении всех исторических фактов, при которых эта «диктатура» имела место быть, – «очень плохо», а словосочетание «диктатура пролетариата» – это очень хорошо! Но, каким страшным преступлением перед миллионами простых граждан было насильственное внедрение высочайшей русской культуры в новоиспечённые республики СССР! Кто взял на себя ответственность за «скрытых» жертв, «обогащая» и «гармонично вплетая» в культуры «отсталых» государств совершенно чуждые им понятия? Такие, как «освобождение» и «раскрепощение» женщин Востока?! В обще-

образовательные школы в срочном порядке были введены уроки русского языка и литературы, началась массовая «русификация». К чему на самом деле приводила «русификация» – вопрос закрытый, мало кого интересующий, потому что история вершится руками «сильной половины человечества». Женские чаяния и сейчас, в двадцать первом веке учитываются не намного больше, чем при основоположнике полового расизма – Аристотеле. Мне хочется сказать о женщинах, поверивших призывам Коммунистической партии, снявших с себя паранджу и в тот же день жестоко зарезанных кинжалами своих же отцов, старших братьев и т. д.; «позор с семьи» был смыт кровью. Моя повесть о мирном времени, пришедшем на смену войнам и революциям. О времени, когда в Москве готовились к Олимпиаде, а в республиках СССР безнаказанно «крали» невест в возрасте 13 лет! Повесть о времени полного «вживления» русской культуры, с целью облагораживания тёмных душ, необразованных и диких племён.

Долгие, долгие годы эта дикая смесь старых укладов, наложенных на «новые законы», была обычным образом жизни. Люди терялись, мечась от своих «законов предков» к законам, подобным «стакану воды» Александры Коллонтай. Этот закон гласил, что половая связь мужчины и женщины так же естественна и элементарна, как утоление жажды стаканом воды. За высокими стенами общеобразовательных школ азиатских республик и мальчики и девочки изучали

по программе русской литературы Максима Горького – «певца революции». Писали сочинения, изложения по «Песне о соколе», где Горький ратует за воззвание «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!». Воззвания вползали в мозг, бередили душу. После уроков девочки, которым только что объяснили, что «Человек – это великолепно! Это звучит гордо!», Возвращались домой, где впитали с молоком матери, что женщина – это всего лишь «нечистое создание», что она – «собственность мужчины», данная ему в услужение для продления его, конкретно этого мужчины, рода. Вся её обязанность состоит в предоставлении своего тела для вынашивания отпрысков мужского пола всё того же рода. То есть она – просто бурдюк, мешок, тара, в которую вольётся благородное мужское семя.

Если даже восьмилетку окончить не удалось и её выдали замуж за «хорошего человека», как и положено, в двенадцать-тринадцать лет, то никто никогда не привлечётся по статье о педофилии! Ни «хороший человек», ни родственники – пособники этого страшного преступления. Статья о педофилии для этих республик не существовала. Дети во все века и у всех народов были самой незащищённой, самой слабой частью населения. Но именно при советской власти карательные методы воспитания «нового человека будущего» достигли своего апогея. Восток – дело плотское…

Самое страшное было, если кто-то из девочек обладал хотя бы небольшими врождёнными способностями мыслить.

Тогда её психика оказывалась особенно бомбардируемой не сочетаемыми сочетаниями и подвержена стрессам. Чтобы просто выжить, было необходимо в себе воспитать такие жизненно необходимые черты, как лживость, двуличие, скрытность, это удавалось далеко не каждой.

В повествовании часто встречаются очень резкие переходы от романтизма к грубому цинизму и наоборот. Это находка автора – защитная реакция организма…

Есть выражения и описания, повторяющиеся по нескольку раз. Возможно, это утомляет читателя и вызывает законное раздражение. Но повторения сделаны мной совершенно сознательно, чтоб читатель хоть на некоторое время почувствовал себя в шкуре ребёнка, которому вдалбливают день за днём одно и то же.

Нет описания родителей. Садистами могут быть люди любого возраста и из любых социальных слоев.

Все призывы, все воззвания и лозунги, которые на первый взгляд могут показаться социалистическими, взяты мною из работ Бенито Муссолини.

Повесть о ребёнке-инвалиде, отец и мать которого от патологического эгоизма и безумного тщеславия не желают это признавать… Она в шесть лет весит за сорок, а в тринадцать – восемьдесят килограммов, тогда как ровесницы в зимнем обмундировании около сорока… Её детские проблемы кажутся несерьёзными и смешными. Они никого не интересуют. Никто не хочет задуматься, что ребёнок нуж-

дается в помощи. И она принимает решение бороться сама, один на один со своим ненавистным телом, со своими странными родителями, с Городом, где властвуют «обычаи предков», наложенные на русский колорит, борется со школьными учителями за своё место под солнцем, то место, которое выбрала сама. Учителя, как собственно и все вокруг, считают, что если уж ты уродилась не такой, как все, значит ты должна, чувствуя свою ущербность и ограниченные возможности, понимать, что ты ниже других. Это верх смелости и наглости быть смышлёным и жизнерадостным инвалидом!

Сейчас, возможно, это кому-то покажется не серьёзным и не актуальным. Сегодня все вокруг кинулись призывать к толерантности и проводят параолимпиады. Это в цивилизованных государствах и больших городах. А если ты живёшь в паршивом захолустье, где все друг друга знают, тебе некуда скрыться и спрятаться от холодных, любопытных глаз? Там чужое уродство кажется единственным развлечением для общества, оно смешно и омерзительно. Ты не только физический урод, ты ещё и дурак! У тебя вольные мысли и наглые взгляды. Значит, тебе нет места в нормальном обществе, и какое бы с тобой чудо ни произошло, всё равно для тебя уже никогда места не будет!

Когда уже мир поймёт, что каждый человек – это огромный Город? Это – целая вселенная! И каждый имеет право жить под своим звёздным небом.

Глава 1

В детском саду было очень хорошо. Когда Аделаиду туда отвели и что было в первый день – она совсем не помнила. Просто знала, что ходит в садик потому, что всегда ходила: и когда было жарко и в «группе» открывали окна с деревянными, растрескавшимися ставнями, и когда холодно. Тогда кто-то далеко включал батареи, и от них лилось сладкое тепло. Можно было постоять возле неё и погреть руки, можно постоять спиной, а ещё можно намазать на неё пластилин. Он сперва станет помягче, потом начнёт клеиться к рукам, потом потечёт вниз как смола и станет капать. Назавтра пластилина на батарее уже не будет, потому что кто-то её помоет, останется только след – красный, или синий, в зависимости каким помажешь. Если воспитательница не смотрит, то опять можно сделать вид, что греешься и снова мазать пластилин. Его много, потому что когда в группе лепка, то его ставят на каждый стол в развалённой картонной коробочке. Бери сколько надо! Все берут. Да! В садике очень хорошо. Только плохо, что на голубой стене около каждой кровати кружком намазаны сухие козявки. Они там давно. Ещё когда Аделаида была совсем маленькая, ребёнок, который раньше на этой кровати спал – уже пошёл в школу. Детский сад от дома недалеко. Родители отводят их с Сёмкой туда перед работой и идут к себе в школу. Сёмка – младший брат Аде-

лаиды. Он младше всего на два с половиной года. Но считается, что он – маленький, а Аделаида – большая. Сёмке надо всё время уступать, защищать во дворе и молчать, когда его ласкают и хвалят, даже если он что-то испортил, а её – нет. Хотя ласкают Сёмку не очень часто, но то, что ругают гораздо меньше – это точно.

Воспитательницу в садике, которая приносит пластилин и раздаёт бумажки из альбомов по рисованию, зовут Зинаида Николаевна. Имя Аделаиде кажется похожим на что-то острое и колючее. Ей все имена представляются в виде чего-то. Имя Вова, например, похоже на коричневую кору дерева, Лена – на горячее молоко в стакане.

Зинаида Николаевна очень хорошая и совсем не злая. Ей просто имя не подходит. Она очень строгая и старая. Ей уже сорок лет. Она сама об этом говорила. У неё разноцветные серые волосы, закрученные назад, очки и длинная, очень длинная юбка. Зинаида Николаевна хорошая, но совсем не любит смеяться и смешные истории она рассказывает очень редко. Ещё она курит. Не в группе, конечно, а когда детей выводит на прогулку, а если не выводит, то в открытую форточку. Когда выводит, тогда дети все сами без неё играют, а она сидит на деревянной лавочке одна и курит. Дым вьётся около её лица, и похоже, что Зинаида Николаевна в тумане. Всё равно и из тумана она всё-всё видит и слышит. Как из-за занавески. Вот спрячься за занавеску!

Тебе всех видно, зато тебя – никому! Получается смеш-

но. Дети всегда проверяют – видит она их всамделе, или она притворяется? Они бегают вокруг неё, кривят гримасы. Им очень нужно проверить – правда ли Зинаида Николаевна видит всех, кто чем занят, или только догадывается, потому что голову она не поворачивает.

А заняться есть чем! Детсадовский двор огромный. Есть детская площадка с качелями, песком; есть клумба. Ой! Такое слово, похожее на бочку! «Клумба»! Набирается полный рот воздуха, и щёки надуваются! Это Зинаида Николаевна научила их такому слову, раньше Аделаида его никогда не слышала. Клумба выложена кирпичами – ёлочкой. Это когда один кирпич боком закопан, другой тоже боком и лежит на нём, потом ещё другой. На клумбе растёт трава, песок и маргаритки, только похожие на ромашки. Они интересней, чем ромашки, потому что лепестков больше. Есть ещё во дворе дорожки, которые называются «аллейки», вдоль которых высажены кипарисы. В самом конце аллеек – тупик. Он заканчивается высокими кустами, через которые невозможно пролезть и ничего не видно. Однажды, правда, Аделаида проделала в листьях дыру. За ней оказался забор и металлическая сетка. В углу забор был деревянный. К счастью, совсем рядом в нём не хватало одной доски. Аделаида, присев на корточки, заглянула внутрь.

Внутри оказалось совсем неинтересно. Она увидела двух больших тётенек в белых халатах и кучу маленьких детей в вязаных ползунках, застёгнутых на плечах на пуговички,

и белых чепчиках на голове. Дети были ещё меньше, чем она, а тёти похожи на фельдшериц из детской поликлиники. Аделаида страшно испугалась, что её сейчас увидят, схватят прямо из-за забора и потащат на прививки. Или будут смотреть горло, что ещё хуже. Когда суют одну ложку и давят на язык стерпеть ещё можно. Но иногда давят сразу двумя ложками, тогда может вырвать. Иногда Аделаида даёт себе слово терпеть, и терпит. Тогда врачи начинают давить сильнее, и Аделаиде кажется, что они ничего не смотрят, только именно хотят, чтоб она сделала «бя!», тогда врачи успокаиваются. К врачам её водят часто, то показывают горло с воспалёнными гландами, то делают ужасные и болючие прививки. Про прививки Аделаида знает всё. Мама водит её к врачам и иногда для компании берёт Сёмку в детскую поликлинику, и каждый раз, если снова будут делать прививку, строго говорит:

– Стой смирно! Клянусь тобой, больно не будет!

Но это больно. Очень больно. Так бывает всегда, поэтому Аделаида не совсем понимает, что такое «клянусь тобой», которое мама употребляет всегда, когда надо сделать что-то очень нужное. Поэтому ей кажется, что «клянусь тобой!» означает просто «терпи, не позорься!», и она, молча перебирая ногами от ужаса, терпит.

– Стой, я тебе сказала! Смирно стой! – Голос мамы, не терпит возражений, он похож на окрик. – Не дрыгай ногами, слушай! Фельдшерица иглу сломает! Она по твоей кро-

ви пойдёт, воткнётся в сердце, и ты умрёшь! Прямо вот как стоишь, так и умрёшь!

Аделаида совсем не хочет умирать! Как это «пойдёт по крови, воткнётся в сердце и она умрёт»?! Она больше никогда не будет ни кушать, ни рисовать, ни ходить? Все будут играть во дворе, мазать пластилин на батарею, а она не будет, что ли? Только будет лежать, как кукла, и всё, что ли?! Страшно!

Она перестаёт шевелить ногами, просто кусает нижнюю губу, морщится.

– Не гримасничай! Губа опухнет и станет ах-ха! – Мама руками показывает, какой именно станет губа. По её описанию, губа станет похожей на свиное рыло, только внизу. – Или ещё лучше, – с нескрываемым удовольствием продолжает мама, – останется у тебя такое лицо, и вырастешь уродиной! И никто на тебе не женится! Все будут говорить: «Что с этой девочкой? Почему она такая уродина?» И им будут объяснять: «Вы знаете, она любила кривить рожи и такой вот осталась!» И люди скажут: «А-а-а! Тогда всё понятно! Так ей и надо!».

Медсестра, которую мама принципиально обзывает «фельдшерица», уже закончила колоть, уже мажет спиртом, растирает, а мама всё продолжает рассказывать, что будет, когда Аделаида вырастет. Вдруг медсестра делает неловкое движение. Аделаида невольно вскрикивает. Тут маленький Сёмка, который, видимо, просто устал ждать или ему стало

жутко от вида уколов, включает свою сирену.

– Ну, вот! – Мама в бешенстве. – Опять ребёнка испугала! Ничего, сейчас придём домой, я с тобой по-другому поговорю!

Нет, всё-таки лучше бы ей смотрели горло! Когда смотрят горло с двумя ложками, надо очень сдерживаться, чтоб не вырвать. Когда давят одной палочкой на язык – это легче, а вот когда двумя… Зато с открытым ртом можно гримасничать, сколько хочешь! И никому, никому не видно! И Сёма не плачет.

Горло надо показывать врачу очень часто. В нём выросли «гланды». Что это такое, Аделаида не знает, но знает, что все доктора в один голос говорят, что их надо то ли «вырывать», то ли «вырезать». Аделаида готова к мысли, что вырывать-вырезать их нужно, несмотря на то, что эти самые непонятные «гланды» находятся в её родном горле. Аделаида не боится. Она готова на всё, лишь бы жить по-другому. По-другому – это всего лишь как все.

То, что она не такая, как все, Аделаида поняла очень давно. То есть «не как все» она с самого рожденья. Поэтому это не очень огорчает. Она привыкла, и даже не привыкла, а осознала и приняла себя. Когда ты не такой как все от рожденья – не так страшно, потому что ты никогда не был другим, тебе не с чем сравнивать, ты ничего не потерял. Если ты родился глухим, ты не можешь тосковать по пению птиц, по шороху волн, мягко и осторожно переворачивающих при-

брежную гальку. А если ты всегда был не объёмно толстым и даже представить себе не можешь, как можно кофточку заправить в юбку, потому что талии как таковой нет и получается типа небольшой прямоугольник разделить на два квадрата – верхний и нижний, а в самом верху – круг – это голова, так совсем маленькие дети рисуют людей, – ты даже не знаешь как можно ходить, чтоб кожа между ногами не болела от того, что ляжки трутся друг об друга.

Аделаида была толстой. Очень толстой. Такой толстой, что никто, ни один человек на улице не мог пройти, не обернувшись и не посмотрев ей вслед, кто с удивлением, кто с издёвкой. Она, правда, иногда задавала вопросы родителям по поводу своего непонятного вида, но ей объясняли, что проблемы, как таковой нет, что она «красивая, вот на неё и смотрят!», если Аделаида совсем не может бегать и играть с другими детьми, то это именно от «гланд», которые надо «вырвать». Поэтому Аделаида честно, но с нетерпением ждала, когда же, наконец, она станет как все и сможет находиться с другими детьми, которые сейчас её не хотят. А всего-то все неприятности, оказывается, были именно от гланд! Так вот, если их поскорее вырезать, говорили все вокруг, то потом можно есть сколько хочешь мороженного, хоть целую бочку. Мороженое Аделаида, наверное, очень любит. «Наверное» потому, что она его никогда не ела прямо из стаканчика. Правда, мама несколько раз ей покупала, но растапливала на газовой плите в железной миске до желтоватой ка-

шицы. Потом оно превращалось в тёплое, сладкое молоко, а вафельный стаканчик по виду и вкусу начинал напоминать кусочек белой резинки от камеры для кожаного мяча. Только по-другому ей есть мороженное никак нельзя – эти самые «гланды» могут воспалиться и опять начнётся «ангина». А от ангины другие, новые беды.

Первая беда – запрет на белое, вкусно пахнущее, такое холодненькое летом мороженое! Вторая беда – ей нельзя бегать и играть с детьми, потому, что она задыхается. Не сразу, конечно, но очень скоро. Ей можно сидеть, рисовать, играть, только ни в какие ни в «азартные игры», ни в какие ни карты, ни домино. В домино нельзя строить даже домики.

– Будешь играть в карты, – говорила мама, – попадёшь в тюрьму!

Надо играть в «ботаническое лото» и во «врача» с таким детским набором, а бегать с детьми нельзя. Аделаида и без бега не понимает: как человек может дышать с закрытым ртом?! Она сама всегда с открытым! И спит, и сидит, и ходит с открытым ртом. Даже когда она просто разговаривает, получается тихо, в нос и шепеляво. Мама и папа говорят, что это очень «некрасиво»! «Некрасиво шепелявить и говорить в нос», как будто она специально! Другие её знакомые дети все живут с закрытым ртом. Иногда в детском саду, когда Зинаида Николаевна рассказывает какую-нибудь интересную историю, и все вокруг забывают обо всём, Аделаида не слушает. Ей кажется, что все умерли и не дышат. Она хо-

чет разобраться и понять что происходит. Она тихо подносит руку к носу сидящего слева Игоря Новикова: посмотреть, дует ли из него воздух, или нет? Оказывается, дует, но она всё равно сомневается, потому что ей ничего не слышно и кажется Игорь, перестал дышать, а если не дышит – значит, сейчас умрёт!

Не бегать очень грустно. И не только грустно! Это очень даже стыдно. Просто позор! Вот если ты просто дурак, или у тебя сопли блестят на рукаве и он как залакированный, потому что ты им вытираешь нос – это даже лучше, чем не бегать. Когда все во дворе, или садике дети все вместе играют в «ловитка», или в «классики», конечно же, совершенно нельзя надеяться, что какая-то добрая душа от жалости и сострадания сядет с тобой рисовать на асфальте. Да никто ни в жисть не сядет! Поэтому надо сидеть одной. Хотя мама и папа говорят: «А ты будь умнее! Что толку с того, что они бегают потные и вонючие?! Вон, посмотри: эта, как её, не помню… ну, дворничихина дочка бежит, пот по ней струйками течёт, пыль прямо по шее размазана! Разве это красиво? Она же девочка! Фу! Она явно потом воняет! А ты сядь, возьми бумагу, ножницы…» Вот и сидит Аделаида с самого рожденья одна, со своей бумагой и своими ножницами… Хотя, конечно, можно заманить кого-нибудь хорошим мелом, или акварельными красками, но это ненадолго. Мелки ей сломают, или тут же вымажут на асфальте, акварели перемешают, потому, что никто не умеет после

каждой краски мыть кисточку в воде и потом чистой брать новый цвет. Ещё детям нравится сразу пачкать воду. Они сильно-сильно вымазывают кисточку, а потом быстро окунают в воду, чтоб она покрасилась, и чем сильнее, тем интересней! Как только под вымазанными подчистую акварельными красками покажется пластмассовое дно, все побегут обливаться водой «из бутылочек от всяких шампуней, потом залезут на гараж есть вишню, потом… Ещё будет очень много совершенно замечательных, прекрасных и недоступных ей «потом». Зато в её «потом» придёт мама и будет страшно ругаться за испорченные краски:

Не ценишь ты хорошие вещи! Не ценишь! Не умеешь ценить! Или не хочешь, потому, что сама не покупала! Не заработала потом и кровью! Живёшь на всём готовом. Вот и разбазариваешь свои вещи направо, налево! Вот если бы ты сама зарабатывала, то тогда бы знала им цену!

Аделаида извинялась, говорила, что больше так не будет.

Конечно, не будешь! – Соглашалась мама. – Краски-то испорченные, их выбросить надо! А другие я тебе больше ни за что не куплю!

Гланды мешали жить и во время каникул и отпусков, когда Аделаида вместе с мамой, папой и Семёном ездила отдыхать на море.

В море ей можно купаться всего несколько минут. Потом надо обтереться большим, горячим от солнца полотенцем и обязательно переодеть купальник. Пока она всё это проде-

лывала, тут уже снова становится жарко. И она сидела, закутанная в мамин байковый халат, подальше от воды и ела булку с кипячёным молоком из термоса.

Рядом, в прозрачной прибрежной воде происходили разные волшебные чудеса! Одни дети, нацепив на нос маску, вытаскивают из воды разноцветные блестящие камни и бросают их на берег. Досада, какая досада! Камни тут же высыхают на солнце и становятся обычной серой галькой. Другие дети с визгом гоняются друг за другом и тащат друг друга в море. Они хватаются за руки, ноги, за всё, и при этом все пищат и хохочут, как если бы это было совсем не больно. Люди, которые постарше, тоже играются. Они делают вид, что играют в волейбол, а на самом деле всё стараются попасть надувным мячом кому-нибудь по голове. Это очень смешно. Никто не ругается, все делают вид, что ничего не понимают, и мяч в них взаправду попал случайно. Сёма сидит у кромки воды и пытается поймать игрушечной корзинкой малюсеньких рыбок, в страхе спутавших дорогу и метнувшихся на берег. Одна только Аделаида сидит на деревянном просоленном топчане белой мраморной глыбой среди коричневых, потных тел, среди взрослых в солнечных очках с приклеенными на нос газетными обрывками. Ей нельзя много купаться. Тогда у неё поднимется температура, и она начнёт кашлять. Вот тогда точно её на море больше не поведут. Она останется на съёмной квартире, скорее всего с папой. Мама скажет:

– Надо, чтоб кто-то с ней остался! А Сёмочку не будем в такую жару дома держать? Ребёнку же свежий воздух нужен!

– Да, канешна! Давай я астанус! (Да, конечно! Давай я останусь).

– Ты купаться не хочешь?

– Не-э-э! Уже надоел купаца! (Уже надоело купаться).

– Ну, хорошо! – Мама милостиво «разрешит» папе остаться и караулить Аделаиду. Раз уж ему «надоело купаться», то пусть вместе с ней дома и сидит. Мама возьмёт Семёна за руку, и они вдвоём пойдут на пляж. Аделаида будет сидеть и переживать, что папа обманывает маму, что ему «надоело купаца».

Но так бывает, только если ездить на море с родителями. А вот если поехать с бабушкой и дедушкой… Ведь у Аделаиды есть ещё и бабушка с дедушкой! Какие они красивые! Деда такой серьёзный и немного строгий с другими, только не с ней. У него такой интересный чубчик падает прямо на лоб! Его волосы раньше были совсем чёрными, а теперь вперемешку с белыми, и чубчик получается какой-то серо-серебряный, или «дымчатый», как говорит про цвет своего котёнка соседка Светка. Так вот этот дымчатый чубчик падает ему на лоб и делает его лицо совсем не строгим, а весёлым и шкодным. Как будто он всегда готов пошалить, но в его возрасте уже нельзя. У деды тонкие, красивые пальцы с жёлтыми ногтями. Деда много курит, поэтому и ко-

жа у него на кончиках пальцев жёлтая. У бабули очень густые короткие волосы. Простая расчёска их не прочёсывает. Поэтому у неё расчёска железная. И ещё… бабуля носит… «бандаж». Что это такое – Аделаида не особенно поняла даже когда увидела. Очень странное сооружение из плотной ткани. Оно надевается на голое тело и затягивается. Говорят, это для того, чтоб женщина выглядела стройной. Но, ведь в этом «бандаже» можно совершенно задохнуться! Как бабуля в нём дышит?! Не боится ведь умереть! Носит! Бабуля с дедулей никогда не ссорятся, только деда иногда над ней подшучивает.

Однажды они взяли её с собой отдыхать на море. Это когда Сёмке было три года.

Родительский отпуск закончился в августе, а дедушкин только начинался. Родители должны были выходить на работу, а зачем они отпустили её с дедом, осталось для неё загадкой на всю жизнь.

Аделаида никогда не видела ничего более прекрасного, чем город с коротким и вкусным названием, похожим на сок. Когда она однажды, ещё дома, прислушавшись к разговору взрослых, выделила для себя два слова «с собой» и «в Сочи». Ей представился запотевший от холода гранёный стакан, наполненный чёрно-бордовым вишнёвым соком. Это было так замечательно!

Дедушка работал продавцом в универмаге. На следующий же день, после принятия решения, что Аделаида едет

с ними на море, он принёс какие-то надувные приспособления и сказал, что это «груши». Они были красно-белые, переплетённые какими-то завязками, узлами.

– Смотри, – очень серьёзно начал он, – вот эта лямка будет у тебя под животом, а два надувных шара – по бокам…

– И я научусь плавать?! – Аделаида не верила своим глазам.

– Конечно, научишься!

– Правда-правда?!

– Самая настоящая!

Она захохотала счастливым смехом:

– Дедулечка, миленький мой! Мой миленький… Какой ты миленький…

Она залезла к нему на колени и стала целовать в щёки, нос, во всё, что попадало под губы, которые никак не хотели сходиться и растягивались в улыбку неземного счастья. Она долго смеялась, потом горько расплакалась и снова долго не могла остановиться, Потом в ожидании небывалого блаженства крепко уснула, прижавшись мокрой щекой к новенькой красно-белой «груше» с многочисленными завязками.

Слово «море» было любимым и знакомым. Родители уже возили их с Сёмкой на море. Они остановились в маленькой деревне, в каком-то доме со страшно злой хозяйкой, которая никогда не здоровалась. Хозяйки вообще всегда были злые. Они мели по утрам упавшие за ночь маленькие абрикосы,

которые, если не мести, к полудню переспевали, размазывались и становились похожими на какашки; днём не разрешали сидеть на кроватях, говорили, что проваливается какая-то «сетка». Аделаида представляла себе базарную вязаную сетку, из которой торчат перья зелёного лука и живой петух крутит головой, и лапы его вываливаются из дырок, и никак не могла понять: куда же эта сетка с петухом проваливается?! Но, видно, она всё-таки «проваливалась», поэтому днём надо было сидеть только на жёстких стульях с фанерными спинками, которые страшно царапали спину, а днём после моря так хотелось прилечь!

«Туалетом» торжественно именовалось деревянное сооружение в самом конце огорода с вырезанным на двери сердечком. К нему надо было очень быстро бежать через грядки с шершавыми листьями огурцов и жёлтыми цветочками. Аделаида бегала плохо, поэтому не всегда успевала. А когда успевала, тучи жужжащих мух очень приставали, они кидались в лицо, лезли в нос и ползали по попе. Всё это очень отвлекало, и поэтому не всегда удавалось сделать задуманное, как подобает, а мысль, что эти же мухи, с удовольствием ползающие по лицу, несколько секунд назад ползали совсем в другом месте, была вообще невыносима…

В дырку, проверченную в полу, взрослые обычно почти не попадали. Поэтому на чёрно-коричневых досках всегда собирались лужи подсыхающей зелёной мочи с белой каёмкой соли. С «по-большому» дела обстояли и того хуже!

Пройти, не заглядывая внутрь, к «яблочку» в полу сооружения, взгромоздиться на две прибитые для ног доски – правую и левую, было почти невозможно, предварительно не вляпавшись босоножками в то, что оставляли взрослые. Босоножки были на тоненькой подошве и открытые с боков. На то они и были «босоножками»! Они вполне оправдывали своё название, потому как каждый шёл к своей цели – практически «босыми ногами».

Однажды поскользнувшись на «взрослых кренделях», она, больно стукнув коленку об пол, туда провалилась. Не вся, конечно, только правая нога. Сперва она пыталась выбраться сама, но было очень страшно, потому, что нога никак не хотела вылезать, дырка сдирала с неё кожу, а руки скользили, не давая нормально опереться и смешивали на полу газетные обрывки с коричневой жижей. Потом, испугавшись, что может остаться тут навсегда, Аделаида стала звать на помощь. Её услышали не сразу, но потом нашли.

Увидев грязную с разодранной до крови ногой Аделаиду, мама очень рассердилась. Она стала кричать, что теперь из-за такой дуры, как она, должна «бросать ребёнка» и водить её в туалет за руку! Потом «отшлёпала» и вымыла её в железном тазу, взятом из курятника, поливая ногу подогретой водой из чайника. Потом уже по чистому ещё раз отшлёпала, наконец все, во главе с хозяйкой и её кроватными «сетками» потихоньку успокоились.

С дедулей и бабулей всё по-другому.

В прекрасном купе поезда было совсем не жарко. Аделаида ещё дома слышала, что они поедут в «мягком» вагоне, а не в «лацкарном». Она не знала, чем отличается «мягкий» от «лацкарного», но считала, что раз он «мягкий», значит там всё мягкое! Стол, пол, окна. Можно даже удариться головой об стенку и совсем не будет больно. Ведь вагон-то «мягкий!» То, что «мягкими» в итоге оказались только полки для спанья, Аделаиду вовсе не расстроило. Она тут же забралась на верхнюю полку и сперва хотела смотреть в окно, но кроме небольших вокзальчиков в темноте больше ничего не было видно. Тогда она улеглась спать и стала стараться заснуть, чтоб поскорее пришло «завтра». А есть такой секрет – чем раньше ложишься спать, тем «завтра» приходит быстрее! Она долго ворочалась, запутываясь в белой простыне и, открывая глаза, с любопытством разглядывала во время стоянок людей на перронах с сумками, чемоданами и детьми, освещённых сиреневым светом. Поезд стоял очень мало. Они бежали за вагонами, забрасывали в тронувшийся вагон свои вещи, потом кто-то заскакивал, они бросали туда детей, тот, кто уже заскочил, на ходу их ловил, и так постепенно вся семья собиралась в тамбуре, откуда, счастливые и довольные, громко стуча коробками и чемоданами об стенки купе, они шумно искали свои места. Кто-то же наоборот лихо соскакивал с подножки тамбура, и, купив в киоске лимонад и какую-нибудь жареную куриную ногу, бежал рядом с их окном за тронувшимся поездом.

«Какие смелые! – Думала про себя Аделаида. – Даже не боятся, что поезд может уйти! Хотя, неужели они не могут собрать дома свои вещи, положить в сумку сколько угодно лимонаду и кур?»

И всё же она заснула.

Когда Аделаида проснулась, поезд уже шёл вдоль береговой линии. Люди плавали и играли прямо в море в мяч, совсем не боясь гигантских бетонных волнорезов. И волнорезы и волны были такими огромными! Они были похожи на противотанковые «ежи», которые Аделаида видела в фильме про войну.

«Скоро и я так смогу, – обрадовалась Аделаида, – мне же дедуля купил „груши“!»

Это внезапное открытие так её развеселило, что она почти спрыгнула с полки вниз, чуть не раздавив бабулю, задрав ночнушку выше головы, с удовольствием выпила принесённый проводницей чай, обула босоножки и встала в проходе, мешая протискивающимся к выходу курортникам с вещами.

Огромные часы на сочинском вокзале и клумбы пёстрых цветов привели её в полный восторг. Вокруг сновали нарядно одетые, удивительно красивые люди в широкополых шляпах и с чемоданами. Тогда она впервые услышала новые, непонятные, но удивительно певучие слова:

– Вы уезжающие или приезжающие?

Моложавые, бодренькие старушки продавали букеты сказочной красоты, из которых выделялись цветы с очень смеш-

ным названием «петушки». Они были похожи на индюшачий хобот бордово-фиолетового цвета с махрой по бокам. Из них сыпались малюсенькие, похожие на маковые зёрнышки, семена. «Когда буду уезжать, – с удовольствием думала Аделаида, – обязательно себе наберу в бумажку и когда приеду домой, то посажу!»

Аделаида никогда не видела такой массы света, такого синего неба и белых домов. Не слышала праздничного привокзального гомона. Ей почему-то вспомнился парад на площади Ленина в День 7-го Ноября. Там тоже бывала такая же суета и торжественность, только вместо солнца шёл снег. А запахи! Какие в воздухе плыли запахи! Смесь аромата цветов, странных плоских пирожков под названием то ли «чабуреки», то ли «чубуреки», от вида которых набегающая слюна почти не удерживалась во рту и приходилось ею давиться, но она всё равно блестела в уголках губ; нежных дамских духов и невидимого, но дышащего где-то совсем рядом моря.

«Да, так может пахнуть только море!», – С уверенностью подумала Аделаида, прищурившись на розовые, похожие на пушок, цветы какой-то «азалии» и ощущая на губах удивительный солоноватый привкус.

Они поселились в доме около «школы». То, что это «школа», Аделаида узнала из разговора. Она очень обрадовалась, потому, что ей хотелось увидеть настоящих «школьников».

– Нет, – засмеялся дедушка, – ты их не увидишь. Занятия начнутся только через десять дней. А как раз через столько

мы и уедем!

«Как грустно, – подумала Аделаида, – только приехали и уже знаем, когда уедем! Почему праздники всегда кончаются? И вообще, как-то нехорошо знать, что у всего хорошего всегда есть конец, и о нём всегда помнить, прямо с самого начала, и он всегда портит это самое хорошее и не даёт порадоваться как хочется. Ничего, – решила она для себя, – впереди целых десять дней, зато я, когда вырасту, обязательно буду жить в городе у моря! И, правда, интересно, а какое оно зимой? На нём, наверное, лёд и эти самые настоящие «школьники» даже из этой школы напротив катаются на коньках.

Как здорово – летом они купаются, а зимой – катаются! И то на -ся, и это на -ся! Прямо как стихотворение выходит!» – И она засмеялась от безудержного счастья.

Море оказалось далеко. Совсем не «через дорогу», как обещала хозяйка квартиры. До него как раз съедалась булочка. Аделаиде нравилось идти по тенистым ровным улочкам, рассматривая безумной красоты витрины магазинов. В них были разбросаны пачки печенья «Пионер» и стояли бело-голубые пирамидки из банок сгущённого молока. Аделаида знала про эти банки, потому что видела у них в тире точно такие же, но пустые. Она гордо вышагивала с полотенцем на плече и резиновым кругом, надетым прямо поверх платья. Та знаменитая «груша», которую дедуле по старой дружбе продал заведующий складом универмага, приказала дол-

го жить, зацепившись в первый же день за плавающую в воде корягу. Она шла в празднично-торжественном ожидании последнего поворота, за которым откроется пляж. Тёмно-синее, почти чёрное море, красивые белые птицы над волнами и на губах всё тот же ни на что не похожий привкус.

Они брали три деревянных, задубеневших от соли топчана – каждому по одному. Ставили их рядом. Ещё у них был настоящий надувной резиновый матрас. Он был похож на плот из синих брёвен. Вот если пальцем быстро провести в ложбинке между надувными брёвнами, то палец нагревается и становится больно.

Плавать можно, конечно, не сколько угодно, но гораздо больше, чем с родителями. Никто не заставляет пить горячее молоко из термоса и кутаться в байковый халат.

По морю летали моторные глиссеры, и к берегу подходили прогулочные катера с громкой музыкой, приглашая прокатиться. Они подходили к самому берегу, с их носа выставлялась железная лестница, и прямо по ней желающие поднимались на борт. Но бабуля с дедой и Аделаида никогда не катались, потому что уже через несколько минут Аделаиду страшно тошнило и у неё начиналась рвота. Но она знала… она была уверена, что когда вырастет и станет очень, очень красивая, загорелая, в белом платье с юбкой такой, называется солнце-клёш – обязательно тоже поднимется на борт и покатается на таком белом катере с… со своим… да, со своим женихом! И он будет за ней ухаживать, подавать ей руку

и покупать мороженое. И от того, что он будет так сильно ухаживать, её не будет тошнить!

Вечером они втроём обычно сидели на дальней скамейке парка, около большого кинотеатра «Космос», и слушали сверчков.

Так они отдыхали долго. Каждый день.

– Пойдём к морю, – однажды деда взял Аделаиду за руку, – я хочу тебе что-то показать.

– Пошли! – Весело согласилась Аделаида. Он очень любила с дедой гулять.

Бабуля осталась сидеть на лавочке, потому что познакомилась с какой-то тётей и разговаривала с ней, а они вдвоём прошли через парк, вышли на пустынный пляж и спустились к морю, прямо к воде. Внизу было совсем темно, свет от фонарей вдоль набережной падал всего на несколько шагов, поэтому море можно было узнать только по лёгкому дыханью.

Она, сняв босоножки, осторожно шагая по холодной гальке, залезла по щиколотку в воду. Вода оказалась тёплой, гораздо теплее, чем днём. Это было чудесно! Так и захотелось, не раздеваясь, как есть, прямо в зелёном платье с белым горохом, прыгнуть в воду по шею и сидеть там, прячась от душного вечера. Аделаида повозила немного босыми ногами по воде, побрызгала пальцами на невидимых морских страшилищ и подбежала к оставленным на берегу вещам. Полотенца не было, а как надевать босоножки на мокрые ноги? Хорошо, что ещё не песок, а то бы вообще противно бы-

ло.

Деда всё это время стоял рядом. Он ничего не говорил, и было темно, только Аделаида знала: вот он сейчас стоит, смотрит на неё и улыбается.

Садись! – Дед и сам опустился прямо на прохладные камни. В полумраке они казались чёрными и похожими на асфальт. – Давай посидим с тобой вдвоём. Здесь нам никто не будет мешать. Я хочу тебе кое-что рассказать, а потом и кое-что подарить.

– Что подарить? – Аделаида захлопала в ладоши. – Снова подарить? Это игрушка?

– Нет! – Дед ласково потрепал её по голове.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и казалось, что уже вовсе и не так темно!

– Это одежда? – Она громко сопела от нетерпения.

– Нет! – Дед многозначительно приложил палец к губам. – Тс-с-с! То, что я тебе подарю, ты даже не сможешь унести домой!

– Оно такое огромное?! Дедулечка, это что – слон? – Аделаида засопела ещё громче обычного. Как небольшой паровоз.

– Нет, я тебе подарю нечто, гораздо большее, чем слон! Не угадывай, всё равно не угадаешь. Знаешь, что самое главное – это будет принадлежать только тебе одной и останется с тобой на всю жизнь! Никогда не потеряется, и не пропадёт. И украсть это у тебя тоже никто не сможет! И если захо-

чешь – ты тоже сможешь это подарить тому, кого полюбишь больше жизни. И тогда вы вместе будете владеть этим и у вас будет ваш большой секрет.

– А оно не уменьшится?

– Нет! – Дед весело засмеялся. – Если это подарить даже всему миру, оно не уменьшится.

– Так не бывает!

– Ещё как бывает! Только сначала разговор, договорились?

– Договорили-и-ись… – Аделаида, чтоб не обидеть деду, решила честно выдержать разговор, зато уж потом! Она получит такое! Да, чем же оно может быть это самое такое?!

Глава 2

Играть во дворе Аделаида любила больше всего с Кощейкой. Кощейка – это дочка дворничихи. Та самая, которая бегает по двору как угорелая и по ней пот течёт. Она старше Аделаиды на три года и уже ходит в школу. Во дворе вообще все девочки были старше Аделаиды и ходили в школу.

На самом деле Кощейку звали Лия. А прозвали её «Кощейка» вовсе не потому, что у неё было тощенькое тельце на двух костлявых ногах и огромная копна каштановых волос, и не потому, что это делало её похожей на головастика. И даже фамилия её не начиналась на «Ко». Как говорили во дворе, Лия вдруг на своей тетрадке по математике в национальной школе написала по-русски «Лия Кощ.». Конечно же, двор такой вольности простить не мог! Ей устроили допрос с пристрастием и потребовали внятных объяснений, предварительно окрестив Кощейку «Кощейкой». Кощейка долго изворачивалась и подло юлила под пристальными взглядами одноклассниц, но потом раскололась и, расплакавшись, стала давать показания, заявив, что, якобы, написала «Кощ», потому что это по-русски «кощка», и она мечтала, что, якобы, её будут звать «Кисей»! Двор от такой наглости сперва опешил, а потом… Только что не закидали камнями! Но небольшими палками всё же в её тощее тельце тыкали. Кощейка всё громче и громче рыдала под радост-

ный рёв и улюлюканье детей, а Аделаида тяжело прыгала вокруг неё и громко хлопала в ладоши, радуясь не часто появляющейся возможности самой выступить в роли затравщика, а то вечно дразнили только её!..

Но в итоге потом выяснилось, что Кощейка зла ни на кого, включая Аделаиду, не держит, как играла со всеми, так и продолжала играть, и ещё она оказалась самым подходящим партнёром для игры в «Домик». «Домик» – это когда, зарывшись куда-нибудь под навес, или спрятавшись просто под дворовый стол, надо «воспитывать» резиновых и пластмассовых «дочерей», шить им платья из лоскутков и готовить «обеды» из травы и песка, заставлять их есть, когда они не хотят.

Аделаиду в другие игры девчонки со двора играть почти не приглашали. Во-первых, потому, что ей всё равно нельзя было бегать; а во-вторых – никому неохота было развлекаться под неусыпным взором её мамы. Кощейке же нечего было терять.

Её своим вниманием дворовое светское общество тоже не баловало. Хоть вокруг и жили только приехавшие из деревень, и их мамаши нигде не работали вообще, никто не хотел якшаться с плохо одетой дочкой дворничихи, которую мать каждое утро выставляла во двор с большой банкой воды и огромным чёрным гребнем. Кощейка застенчиво присаживалась на краешек нижней ступеньки крыльца и, посекундно обмакивая тяжёлый гребень в воду, старалась проче-

сать свои густые, волнистые волосы. Это делалось для того, чтоб волосы не падали в доме на пол, на диван или ещё куда, и в квартире всегда было чисто. Кощейка была совершенно бесконфликтным и забитым созданием, она всегда уступала Аделаиде и никогда не спешила домой делать уроки, как другие девочки… Это был вынужденный союз двух маленьких изгоев, ни к чему не обязывающий, ничего не приносящий.

И всё же иногда возникали очень серьёзные и взрослые дела, которые надолго могли нарушить их идиллию. Самым важным считалась Аделаидина примерка.

Платья Аделаиде постоянно шились на заказ. В магазинах, как говорила мама, «ничего приличного и элегантного» нельзя было купить, поэтому приходилось ходить к «портнихам». Эти походы были одновременно и великим таинством и очень ответственным мероприятием, потому как «портнихи», увидев, на что, собственно, они должны были шить, отказывались даже слушать об этом. Тогда мама начинала их просить и уламывать, «не откажите» и так далее. Поняв, что от мамы так легко не отделаешься, некоторые после получаса уговоров всё-таки соглашались, но были и такие, которые не поддавались ни на какие обещанные коврижки. Тогда мама, взяв за руку Аделаиду, вскинув голову вверх, торжественно покидала поле боя, причём напоследок сказав «плебейке» «пару ласковых», явно рассчитанных на сражение портнихи наповал и превращение маминого поражения в неоспоримую победу!

Однако этот, как его торжественно называла мама, «терракотовый костюм» – её гордость и надежда, был заказан совсем не у какой-то там захудалой портнихи, он был заказан в настоящем взрослом ателье в другом городе – в Большом Городе, в котором жили бабуля и дедуля. Аделаида не знала, что такое «терракотовый» и очень пугалась этого слова. Ей казалось, что «терракотовый» нечто неимоверно грубое, жёсткое и похожее на крылья чёрных тараканов. И оно бегает. Вообще мама все цвета обожала называть удивительно страшными названиями: мышиный, табачный, мокрый асфальт. Только один был вкусный – абрикосовый. Но на вид Аделаиде он тоже не нравился. Он был похож на недокрашенный розовый. Это когда рисуешь, и ломается карандаш, и не можешь закрасить жирно, как если его слюнявишь. Это бледный «абрикосовый», но он тёплый, совсем не как грязный, вымазанный снегом «мокрый асфальт». Если бы её спросили, она бы, конечно, предпочла не «таракановый» «строгий, элегантный костюмчик», а обычное платье с поясом на талии, какое-нибудь ярко-жёлтое или в красный горох! А ещё лучше – ярко-жёлтое и в красный горох!

Правда, у примерок были и свои положительные стороны, ей с них тоже кой-чего перепадало! Когда заканчивали «крой», Аделаиде отдавались все оставшиеся от «отреза» лоскутки. Не все были, конечно, одинаково ценными. Некоторые были совсем малюсенькие, зато некоторые такие большие! Но их обычно было намного меньше, один или два.

А если портниха была мамина знакомая или просто добрая, она дарила Аделаиде целые богатства, оставшиеся от других клиентов. Вот тогда, спрятавшись с Кощейкой у неё дома, к Аделаиде в дом их не пускали, потому, что мама не любила и саму Кощейку и ещё потому, что они вечно сорят, вот спрятавшись между кухонным столом и стеной в спальню, можно было нашить столько нарядов, столько нарядов для совершенно лысой куклы Маринки, что даже Кети, самая красивая девочка во дворе просто бы обзавидовалась!..

Терракотовый костюмчик таким богатством её бы явно не одарил. Он должен был состоять из юбки-«плиссе» и строгого «пиджачка» с «круглым воротничком». Мама сказала, что это «элегантно».

Ателье называлось без имени, просто «Высшей Категории». Их туда приняли без очереди, потому что кто-то из маминых знакомых кого-то попросил, и само ателье находилось где-то очень далеко. Да! Это было целым серьёзным делом – посещение ателье и примерка. Сперва Аделаида с мамой долго ехали на междугороднем автобусе из своего Города в дедулин и бабулин Большой Город. Потом они брали трамвай и ехали забирать бабулю. Мама всю дорогу очень сердилась и говорила Аделаиде, что она – «её мучитель»:

– Сидела бы я сейчас дома, как другие родители, и в ус не дула! А ты живёшь припеваючи на всём готовом и не ударишь палец о палец!

Аделаиде представлялась мама, у которой выросли усы.

Она выбирает самый длинный из них и в него дует. Это очень смешно, но смеяться нельзя. Мама ещё больше рассердится.

Мама и бабуля долго не могут поймать такси и говорят, что это – «заколдованный круг». Что такое «круг», Аделаида знала, а вот «заколдованный» виделся ей чем-то прекрасным, ну, как лес в сказках – таинственным и полным диковинных зверюшек. Только прохладный, тенистый лес всё время убегал, потому что стоять на солнце было очень жарко, а мама с бабулей стали из-за чего-то ссориться.

Наконец, машина с зелёным глазиком остановилась, и они втроём поехали «на примерку».

В ателье с потолка крутились огромные вентиляторы и лежали клейкие бумажные полоски с налипшими на них дохлыми мухами. Правда, не все были совсем дохлыми, некоторые ещё шевелили лапками, и Аделаиде было их искренне жалко. Она хотела отлепить одну муху, но мама шлёпнула её по руке, и тут как раз какая-то тётя вся в нитках и с булавками на кофте позвала их за собой в маленькую комнатку с зеркалом.

«Терракотовый костюм» кусался при каждом движении, от него зачесалось подмышками и на животе. «Плиссированная юбка» не сходилась на талии и поэтому не застёгивалась. Портниха в разноцветных нитках отметила обмылком, сколько надо «доставить» пояска. Оказалось, целый кусок. С «элегантным» пиджачком совсем не заладилось. Мама с бабулей на что-то указывали портнихе, та тянула на Аде-

лаиде верхнюю часть «костюмчика» то на спине, то на груди, дёргала на плечах в обе стороны, расправляла что-то, от чего зачесалось уже всё тело. Она рассыпала все свои булавки, прикладывая страшные усилия, чтоб не раскричаться.

Наконец, ательевская портниха, больно всадив булавку Аделаиде в плечо, фыркнула: Вы что, издеваетесь надо мной, что ли?! Что я могу сделать, если у неё нет шеи! Не видите – шеи нет! Какой вырез?! Лекала стандартные! Я и так вчера весь вечер с ним провозилась! Измучилась вся с вами! Вы понимаете, что я говорю, или нет?! Я ж по-русски говорю! На такую фигуру ни в магазине ничего не продают, ни шить невозможно! Идите в любое ателье, вам то же самое скажут! Вы понимаете: нет шеи-и-и! Шейте сами, если такие умные! Сперва раскормят, как свинью перед Рождеством, а потом шей на них! Ой, да идите жалуйтесь кому хотите! Хоть директору, хоть министру! Подумаешь – напугали!

Бабуля, мама и злая портниха кричали все вместе долго и очень громко, пока не пришёл какой-то дядя и тоже не начал с ними разговаривать. Аделаида совершенно одна стояла перед зеркалом во весь рост и думала:

Ведь действительно, шеи нет! Надо же – её и правда нету… Вот тело – один большой шарик, а прямо на нём второй – моя голова. Интересно, почему я раньше этого не замечала? И никто ничего не говорил, и ни папа, и ни мама… Только всегда незнакомые прохожие могли обернуться и долго смотреть на меня. Во дворе дети не играли,

но и не говорили, это потому, что нет шеи. Или дети могли сказать: Эй, бочка! Жиркомбинат! – Но про шею всё равно никто словом не обмолвился! Она всегда была такой, с самого рожденья.

– Мама, – как-то спросила она, – что такое «жиркомбинат»? И что значит «бочка»? Это плохо, да?

– Кто тебя этим словам научил?

– Дети говорят.

– Если кто-то тебе ещё раз скажет «бочка» – говори им: «а ты спичка!» Они тебе завидуют! И всю жизнь будут завидовать! А ты сама разве не видишь разницу между собой и ими? Ты поняла, о чём я говорю?

Она поняла. Поняла, например, что с ней не хотят играть не потому, что у неё «гланды», а у них нету; и не потому, что она не может бегать, а они могут, а потому, что у всех «спичек» шея есть, а у неё нет и, что скорее всего, – никогда не будет! Только зачем эта шея нужна?

***

«Сегодня тоже не удастся поиграть с Кощейкой. Вечером надо идти к врачу. Только зачем к врачу, у меня же ничего не болит?!» – Сколько непонятных вещей делают взрослые! И главное – зачем они это делают?

Как-то раз папа посадил Аделаиду к себе на колени и ласково спросил:

– Мамам-джан! (Ласковое обращение) Ти хромаиш. У тебя ножка балит?

Аделаида страшно удивилась:

– Нет, не болит, – ответила она.

– Ну, как же нэ балит! Я же вижу – ти храмаешь, значит балит!

Она не совсем понимала, что такое вообще и в частности «храмаиш», но нога у неё не болела совершенно точно! Не сейчас, а вообще никогда не болела. Вообще!

Папа, держа её на коленях, продолжал со слезой в голосе упрашивать:

– Прашу тебе! Не абманывай мене! Я же вижу как ты ходиш! Силно болит ножка, мамам-джан?

– Совсем не болит! Я не обманываю, – Аделаиде уже было очень неприятно отвечать на папины вопросы. Она начала чувствовать уже что-то вроде стыда за ногу, которая на самом деле не болит, жалость к папе, который за её ногу так волнуется, а она его подводит, и было как-то не по себе за папу и его слёзные просьбы. Ей очень хотелось поскорей уйти, чтоб не видеть папу таким жалким и расстроенным, и в тоже время было так приятно сидеть у папы на коленях. Папа раньше никогда этого не делал. Да лучше б она скорее заболела, эта нога, чтоб папа ещё раз с ней так поговорил.

– Зачэм папе неправду гавариш? Папа тебя так лубит! – у папы почему-то была манера говорить о себе в третьем лице. Он всегда себя называл не «я», а «папа». – Ну, скажи, ну

скажи, прашу тебе: очень силно балит? Када ходиш балит, или када сидиш тоже балит?

– Папа, ни капельки не болит! – Аделаида уже вся вспотела и начинала терять терпение.

– Не бойса врача! Тока скажи! Вот в, этом местэ балит, или ниже? – Папа потрогал коленку, густо помазанную зелёнкой, которая уже и не смывалась.

– Не болит! – Аделаида резко сползает с папиных колен и идёт в туалет. Ходить в туалет по-маленькому и по-большому можно без ограничений. Оттуда её никто не вытащит!

Сегодня пронесло! К врачу её не поведут. Обидно, правда, что папа так расстроился.

Аделаида продержалась ровно три дня. Когда папа после работы и в очередной раз снова начал её уговаривать, что «ножка очен балит» и, гладя по голове, спрашивал: «В какое место силнее балит, мамам-джан?» – ей стало папу так жалко!

Так обидно, что всё в порядке, а он усталый пришёл с работы и ещё за неё так волнуется. Аделаида бы многое сейчас отдала, чтоб эта вонючая нога заболела, распухла и, как мама говорит, «отнялась»! Аделаида не знала, что такое «отнялась», но раз у мамы это бывает и папа за мамой ухаживает как перед смертью, она тоже хочет, чтоб и её нога «от-нялась!». Тогда Аделаида решила сдаться:

– Не очень сильно. Вот здесь, – и потёрла зелёную коленку.

– Воо-от! Я жи знал! Зачэм столко дней тэрпела? – Обрадовался папа, и вечером они уже сидели в очереди в «Детской поликлинике» к хирургу. Аделаиде было очень страшно, она вспоминала разные ужасы с прививками и ложками во рту, но она не подавала виду, тем более что папа был так счастлив.

Хирургом оказалась вовсе не мужчина, а женщина. Её звали Светлана Петровна.

Светлана Петровна очень внимательно выслушала отца, пощупала пухлую ногу и спросила:

– Детка, зачем ты обманываешь?

Аделаида смотрела в пол. Она же не могла сказать чужой тёте в белом халате:

– Мне жалко папу! Он так хотел, чтоб моя ножка болела!

– Она молчала.

Тогда заговорил папа. Он явно был недоволен результатами осмотра и очень сомневался в компетентности женщины-хирурга. Женщина в его понимании могла готовить «абэд» (обед), быть учительницей, как его жена, или мерить температуру детям. Это называлось «пэдэатир». Но, чтоб женщина и хирург… Потому ничего и не видит и не соображает!

– Что ви гаваритэ?! – Возмущённо изрёк папа. – Ви не видитэ, что творится (с ударением на «о»)?! Пачэму она тагда храмаэт? – Грозно наскакивал он на Светлану Петровну.

Светлана Петровна, как ни странно, совсем не испугалась папы и не собиралась вести дипломатических переговоров.

Она всякого насмотрелась на своём рабочем месте и наслушалась. Выглядела для их Города очень вызывающе, была изящной блондинкой в голубой кофте под белым халатом. Папины грозные восточные взгляды её не испепелили, Светлана Петровна кивнула в сторону Аделаиды:

А вы разве не видите, какая она у вас жирная? – Пожав плечами и усевшись за врачебный стол, спросила она, всем своим видом давая понять, что приём окончен. – Жирная, ходить не может, у неё ляжки трутся, вот и хромает. Она даже не хромает, а как утка переваливается со стороны в сторону. Сколько она весит? Килограммов за сорок? А должна шестнадцать-семнадцать. Зачем вы ребёнка так раскормили? Вам её не жалко? Отдайте её на какой-нибудь спорт, чтоб похудела…

Папа, казалось, вообще не понимал о чём идёт речь. Единственное, что он понял, и это его относительно успокоило, что «мамад-джан» хромать не хромает, а так «ходыт» потому, что «немного пухленкий и ножки такие». (Так ходит, потому, что даже не хромает, а просто ходит, потому, что немножко пухленькая и ножки такие».)

– Ей незя занимаца спортам и вабщем бегат! (Ей нельзя заниматься спортом и вообще бегать!), – С гордостью произнёс папа, – у неё гнойние гланди! (У неё гнойные гланды!)

– Ну, так прооперируйте её! Удалите их! – Светлана Петровна нервно листала историю болезни, и, казалось, она с секунды на секунду разлетится на отдельные листочки. – Это

не оправдание. Посадите её на диету, пока прооперируете! Вы не понимаете, что гробите ребёнка?!

Аделаида мотала головой то вправо, то влево, не всё понимая, о чём спорят доктор с папой. Что такое «гробите»? Они разговаривали на повышенных тонах, совершенно не замечая её присутствия, как будто говорили действительно о бочках и утках. Зато она совершенно ясно поняла, что она – «жирная», а «жирная» – это, как оказалось, не только плохо, потому что без шеи, но и потому, что она «гробится», скорее всего, от слова «гроб»! Папа же, по всей видимости, пребывал в полной уверенности, что и не внушающая доверия блондинка – доктор под названием «хирург» тоже им завидует, потому что ихнего «нагтя на стоит» (ногтя не стоит)! Папе Аделаида нравится. И мама говорит, что она самый красивый ребёнок во дворе. Если её кто-то и задевает, то только от зависти, потому что их с папой «все знают», «знают, какая они семья» и «Аделаида очень красивая» и её ждёт «прекрасное будущее». Аделаида не совсем понимала слова о «прекрасном будущем», но раз «прекрасное», – значит, мама права, сейчас, конечно, жить плохо, зато нужно только немного перетерпеть и подождать, пока оно, это самое будущее, придёт!

Она совсем не испугалась не раз и не два услышанного слова «прооперируйте её», только тётя это называла «миндалём», и ей стало смешно, что у неё в горле орешки. Она даже не обиделась на тётю за то, что она, такая большая и взрос-

лая, путает гланды с орешками и тоже назвала её «жирнячкой». Конечно, она обязательно сделает эту операцию! И будет сидеть или лежать с открытым ртом и терпеть. Обязательно потерпит! И тем более, мама ей говорила:

– Клянусь тобой, это совсем не больно!

– Не может же мама обманывать! Правда, когда делают прививки, мама тоже говорит «клянусь тобой!», но бывает очень больно. Только это совсем другое! Прививка – другое, когда что-то должны отрезать – совсем другое!

«Нет, – твёрдо решила про себя Аделаида, – больно не должно быть!»

Идя с папой домой и вспомнив о мороженом, которое можно будет есть сколько угодно, она совсем развеселилась. Она единственное чего теперь хотела – вырвать гланды!

«И всё-таки, надо будет спросить у Кощейки, – думала Аделаида, стараясь попасть с папой шаг в шаг, – интересно, замечает ли она, что я жирная, или это не всем видно?»

Глава 3

Сегодня пошёл дождь, и Зинаида Николаевна сказала, что ни одна группа гулять не пойдёт.

Аделаида всегда любила дождь, кроме когда они отдыхали на море. Тогда никто купаться не ходил, и все жильцы дома сидели под навесом во дворе во всяких куртках, играли в домино или карты. Когда шёл дождь, если они с бабулей в Сочи ходили в гастроном, особенно интересно было проходить мимо «переговорных пунктов».

Они тоже несколько раз туда заходили, но брали какие-то «талончики» на три минуты и быстро уходили. Там, на этих «пунктах», собиралось очень много народу, они заказывали телефонные разговоры со своим родным городом, потом садились на лавочки и ждали. Кому не хватало лавочек, стояли на улицах под дождём и курили. Когда проходил час, они снова подходили к кассе и просили «девушек», чтоб «ускорить». Девушки говорили, что нет «связи». «Девушками» были все, даже морщинистые бабушки с большими серьгами и морковочной помадой на губах. Наконец, после долгого ожидания бабушка за стеклом кричала:

Воркута!!!! Воркута!!!! Есть Воркута? Есть? Третья кабинка!

В маленькую герметичную кабинку набивалось по три-четыре человека, мокрых от дождя. Стекло в двери момен-

тально запотевало, и их уже не было видно. Но, если оставить дверь приоткрытой, то можно было услышать, как кто-то кричит срывающимся от натуги голосом:

Как дела-а-а??!! Как дела-а-а, я говорю??!!

Потом дверь кабинки окончательно распахивалась, оттуда выглядывала чья-то лохматая голова, и, не стесняясь ни людей в зале, ни работников переговорного, истошно докладывала:

Девушка!!! Не слышно ничего! Я их немного слышу, а они меня – нет! Сделайте что-нибудь!!!

Тогда Аделаида думала, что они спрашивают «как дела?!» вовсе не в телефонную трубку, а в какую-нибудь дырочку, к которой подсоединена труба до этой самой очень далёкой Воркуты. «Чего это они разговаривают не по телефону?» – Недоумевала она.

Потом они с бабулей шли домой под зонтом по мокрым плитам, которыми были выложены все улицы прекрасного города Сочи. На них падали розовые, нежные как пушок, цветы азалии и тут же превращались в скользкую жижу. И босоножки промокали, и носки. Они чавкали и из них шли пузырьки. И по лужам тоже шли пузырьки. И каждая капля, когда падала, разбрызгивалась и делала в луже королевскую корону. Как будто тысячи мышиных королей бежали куда-то, спасаясь от воды. Это было красиво и очень печально. Их было жалко. Поэтому дождь в Сочи – это грустно!

Но дома Аделаида очень любила дождь.

Обычно, если не было дождя, мама говорила: Пойди, погуляй во дворе. Что сидишь?!

Приходилось идти, «гулять»… А в дождь можно было по полному праву совсем не высовываться на улицу. Не то, чтобы она не любила двор, просто летом ей всегда было очень жарко и она сильно потела. Тогда мама приводила её домой и засовывала под майку полотенце. Полотенце должно было промокать пот и отделять мокрую майку от спины, чтоб Аделаида со своими «гландами» не простыла. Зимой во дворе наоборот было очень холодно. У неё была серая цигейковая шуба (это мама её так называла) и сапоги, которые постоянно промокали, как только выйдешь во двор. Она хотела лепить снеговичков, но снег совсем не клеился и рассыпался, а варежки промерзали моментально. Дети бегали, играли в снежки и лизали сосульки. Они лизали эти ледяные сосульки, и от них шёл, как от печки, горячий пар. Аделаида одна стояла как столб, смотрела на них, молча, пока промокшие ноги не замерзали окончательно. В этот момент она страшно завидовала Сёмке. Сёмка был маленьким и гулял по снегу только с мамой или папой. Закутанный в комбинезон и два клетчатых пледа, он сидел в коляске со съехавшим на глаза капюшоном и всё равно ничего не видел.

Вот когда шёл дождь, было и не жарко, и не холодно, и можно было рисовать, сколько хочешь.

В садике Зинаида Николаевна приносила им большие листы белой бумаги, вырванные из тетради по рисованию, раз-

давала карандаши и давала задание. Они были очень интересными. Например, нарисовать картинку, где половина неба, а половина земля. Аделаида пол верхнего листа закрасила коричневым, половину голубым. Получилось как грозовая туча. Оказывается, надо было закрасить половину листа, чтоб получилось, как горизонт, и нарисовать что-то на горизонте. Правда, всё равно вышло так красиво, что её листик повесили на стенку. Её листики часто показывали детям и вешали на стенку. Это называлось «стенд».

Зинаида Николаевна учила их лепить «с натуры». Но почему-то «натурой» она всегда называла разные вещи, а не одну и ту же, например, то вазу, то стакан, хотя все в группе всё равно знали, что это никакая не «натура», а просто ваза для цветов.

Зинаида Николаевна была совсем не похожа на остальных взрослых совсем не потому, что она была единственной тётей, которая курила. Она рассказывала им странные истории о том, как она долго переезжала в каких-то вагонах в какой-то непонятный «Казахстан»; о каких-то степях, где ничего не растёт, а их высадили из вагона и сказали, что они там будут жить. Аделаида хотела верить, но не могла никак понять – как может не нравиться так долго кататься на поезде, сидеть в вагоне и смотреть в окно? Она же ездила на поезде к морю в мягком купе, и всё это было замечательно! Конечно, хотелось поскорее выйти из поезда, чтоб уж доехать куда надо и пойти купаться на море. Если бы не море,

то можно ехать себе и ехать! И что такое эта самая «степь», на которой ничего не растёт? Может, не сажают семена? Потому, что если это простая земля, то должно расти обязательно!

В отличие от других нянечек, Зинаида Николаевна никогда не ругала за «занято». Все ругали, а она нет. «Занято» знали все. Делать это было просто необходимо, потому, что можно было остаться без завтрака, обеда и ужина. «Занято» заключалось в том, что когда звали за столы кушать, надо было сесть и, кинув один только взгляд на тарелки и стаканы с компотом, быстренько определить, в котором больше, и быстренько застолбить их за собой, макнув туда палец. Палец следовало на глазах у всего стола облизать и снова макнуть. Это и было «занято», то есть:

Я обслюнявил палец и макнул его обратно, значит, мой суп тронуть больше не может никто!.. Если кто-то всё-таки его съест – значит, он дурак, потому что ел мои слюни!

Другим учителям это не нравилось, и если кого ловили, то могли даже поставить в угол. А Зинаида Николаевна делала вид, что ничего не видит.

Она почти не сердилась, но и хвалила редко, своим особенным хриплым грубым голосом. Скорее всего, у неё там тоже гланды в горле, как у Аделаиды, потому так часто ангинами и болеет. Наверное, в том самом «Казахстане», где какая-то «степь», и заразилась ими. Зинаида Николаевна никого не ласкала, никого не ругала, даже на руки никого не бра-

ла. Только один раз Аделаида видела ребёнка у неё на руках. Это было, когда мама пришла записывать в садик белобрысого голубоглазого Сёму. Зинаида Николаевна зачем-то прижала его к себе, потом подняла на руки и долго молча раскачивала из стороны в сторону, а потом повела к себе в кабинет кормить рыбок.

***

Папа пришёл в детсадик прямо после завтрака. Так рано за ней никогда не приходили. Один раз, правда, мама сказала, что придёт за ней рано. «Рано» на языке садика значило после обеда и до сна. Те, кто предупреждал воспитательницу, что за ним придут «рано», сразу после обеда не шёл в спальню, а отправлялся в раздевалку и ждал там родителей. Аделаида сказала, что мама придёт «рано». Она весь тихий час просидела в раздевалке на скамейке одна, но мама так и не пришла. Она пришла, когда все дети уже встали, но чуть раньше обычного.

– Я тебе не сказала, чтоб ты не шла спать! – Мама натягивала на Аделаиду клетчатое пальто с варежками на резинке, «чтоб не потерялись», торчащими из рукавов. – Шла бы и спала себе! Если бы я пришла, тебя бы позвали!

А в этот день Аделаиде даже не сказали, что зайдут.

– Адэвайса (одевайся)! – скомандовал папа. – Сэйчас пайдом к врачу дамой и вирвем гланды (сейчас пойдём к врачу

домой и вырвем гланды)! – папа не любил заморачиваться. Он, как однажды и пообещал, всегда старался говорить Аделаиде правду.

«Почему именно „дамой“, и не в больницу, или, по крайней мере, в поликлинику?» – Аделаида подумать не успела. Испугаться она тоже не успела. Одно её волновало: после сна Зинаида Николаевна обещала, что они будут делать бумажные корзинки с картинками из разноцветной бумаги.

– Прямо сейчас?! А как же аппликации на бумажку? – Аделаида чуть было не расстроилась. – Это же моё любимое!

– Ничэго, в другой раз приклэишь. Сэводня идёт дожд, и врач сказал, что как раз када дожд всё хорошо, потому, что не жарка и нэ холодна. Э-э-э! Лицо кисли нэ делай! Ты что баишса? Я сечас буду смеяца!

Ой, как стыдно! Ой, как стыдно, что вдруг к горлу подскочил солёный толстый комок, и хочется вцепиться руками в папину рубашку, прижаться к его груди, чтоб никто не видел, и тихо, кусая губы, выть. Но папа правда может засмеяться. Он будет отрывать её от себя, от её носа до его рубашки будут тянуться сопли.

– Что эта?! Что эта?! – Папа будет хватать и тянуть сопли в ниточку. Это будет смешно, как они тянутся. Да, будет и смешно и жутко, и Аделаида будет смеяться сквозь слёзы. И будет непонятно, ей больше смешно, или больше страшно. Она сейчас не хочет ни смеяться, ни плакать. Ей почти пять лет. Она умеет себя вести!

Аделаида берёт из рук отца голубой дождевик с капюшоном.

– Конечно, не боюсь! – Она долго старается застегнуть пуговицу. Пальцы соскальзывают. Пуговица за минуту выросла, в свою же дырочку не лезет. Хорошо, что здесь нет мамы. Мама бы поругала.

– Пап, а больно не будет? – Аделаида, конечно, знает, что больно не будет ни капельки, потому, что все-все ей так говорят, но всё-таки ещё раз спросить как-то хочется…

– Клянус табой, мамам-джан, нет (клянусь тобой, мамам-джан)! – папа уже держит её за руку и они спускаются по ступенькам вниз. – Вот ти же мне веришь?

– Верю! – Её голос срывается и дрожит.

– Клянус табой, савсэм ничиво не пачувсвуэшь (клянусь тобой, совсем ничего не почувствуешь)! – папа идёт очень быстро, Аделаида за ним еле поспевает и задыхается. Ничего, ничего! С сегодняшнего дня начинается новая жизнь! Капельку потерпеть… и даже вообще не терпеть, больно-то не будет!

Папа не любит ходить молча:

– Ми идиом к аднаму врачу дамой, – они заворачивают за угол и какая-то машина, провалившись в большую лужу, окатывает их водой. – Вот суволоч (сволочь)! – кричит папа вдогонку. – Сукин кот! – Папа всегда говорит «сукин кот», а не «сукин сын», хотя Аделаида и не знает ни того, ни другого. И кто такая эта самая «сука», у которой есть «кот» –

тоже. Папа продолжает, как ни в чём не бывало:

– Мама сказал, что это самый силный врач. Знаешь, как его зовут? Зинаида Николаевна, прэдставлаэшь?! (мама сказала, что это самый сильный врач. Знаешь, как её зовут?! Зинаида Николаевна!)

Аделаида не спрашивает, почему «его зовут» Зинаида Николаевна. Она знает, что Зинаида Николаевна женщина, просто папа и про женщин и про мужчин говорит «он» и Аделаида к этому привыкла. Не понятно только, для чего врач должен быть «сильным». Эти гланды правда, что ли, надо с силой тянуть и отрывать?! Но прямо так спросить невозможно. Стыдно. Она смотрит на грязные носки своих красных ботинок:

– Зачем мне «сильный»? Он что, меня побороть должен?

– Нэт! – Смеётся папа. – Силны гаварат када хароший (сильный говорят, когда хороший)!

Зинаида Николаевна оказалась совсем не такая, как в детском саду. Она была выше папы, с усами, в огромном поварском колпаке и с блестящим круглым зеркалом на лбу. Так что, говоря о ней «он», папа не сильно ошибался. Зинаида Николаевна присела за покрытый белой скатертью столик, включила настольную лампу точь-в-точь такую же, как у них дома, и засветила ею Аделаиде в глаза. Папа опустился на стул прямо напротив неё и посадил Аделаиду на колени лицом к поварскому колпаку.

– Открой рот, детка! – Голос врача прозвучал как сигнал

к атаке. – Открой пошире, не глотай слюни и не закрывай. А вот эту железную ванночку держи в руках, будешь в неё плевать, когда я скажу.

Нет! Она совсем не похожа на детсадовскую Зинаиду Николаевну! Она какая-то не такая… Оно… Может, оно точно мужчина?! Но, если даже и мужчина, то всё равно старается говорить нежно и совсем не кричит.

Зинаида Николаевна взяла в руки огромный шприц и надела на него огромную толстую иглу.

Аделаида про шприцы знала вообще очень давно. Дедуля в Большом Городе часто болел, и у них постоянно кипел на газовой плите серебристый стерилизатор. О нём постоянно забывали, и тогда по всей квартире расползался удушливый запах горелых бинтов. А несколько раз поджаривался и лопался весь шприц. Точнее – лопалось стекло, а на металле, когда он остывал, появлялись красивые, похожие на радугу разноцветные разводы. Тогда мама страшно кричала и говорила, что если б не она, то все «давно сдохли». Аделаида так и думала, что шприцы надо «стерилизовать час»!

Но эти шприц и игла в руках Зинаиды Николаевны были самыми огромными из самых огромных на свете!..

«Такие вообще-то не бывают! – Подумала Аделаида. – Разве только в цирке, чтоб смешно было. Но, внутри шприца была просто прозрачная вода, а что плохого вода может сделать? Нальют её мне туда, и всё! Тем более, и мама, и папа клялись мной, что совсем не будет больно. Значит всё в по-

рядке!» – и она смело открыла рот.

Игла вонзилась в горло, перекрыв дыхание и свет в глазах… Горло вмиг распухло и стало чужим. От дикой боли, удивления, почти удушья, но более всего из-за страшного разочарования по щекам осенним дождём хлынули слёзы. Точь-в-точь такие, как за оконным стеклом с дохлой мухой.

«Бедная мамочка! – Аделаида не могла ни закрыть лицо руками, ни плакать в голос, ни прижаться к папиной груди. Она боялась пошевелиться, чтоб не сломать иглу в горле и не умереть совсем. Слёзы просто текли из глаз, сливались друг с другом на подбородке и капали на белую салфетку, которую ей прикрутила Зинаида Николаевна. – Бедная моя мамочка! – плакала горько-горько Аделаида. – Если б она только знала, как это больно и ужасно быть здесь, она бы ни за что им меня не отдала! Или пришла бы сюда со мной и сидела бы вон там на стульчике, и жалела бы меня и тоже плакала!» – промелькнуло в голове Аделаиды прежде чем она потеряла сознание…

***

«Это сон. Нет, это не сон. Или всё-таки сон? Кажется… кажется, мы с папой были у врача и… и мне, наконец, вырвали гланды?!. – Аделаида давно проснулась и молча рассматривала огромное чудо, сидящее на подушке прямо напротив её глаз. Сперва она ничего не поняла и подумала,

что это чей-то ребёнок пришёл её навестить после операции, сел в ногах кровати и тихо дожидается, пока она проснётся. Однако дети не могут так долго сидеть без движения! Значит, это всё-таки кто-то неживой! Неживой – значит кукла! – Но как она сюда попала?! У меня не было такой красивой куклы в воздушном розовом платье! Или я всё-таки сплю?.. Можно же проверить: приподняться на подушке и попробовать: если я смогу до неё дотронуться – значит, она настоящая. А вот если дотронусь и она исчезнет – значит, я ещё сплю…»

– Ты проснулась? – Ласковый голос бабули звучал совсем рядом, где-то за головой. – Я вот всё сижу, сижу около тебя, жду… Сейчас вот встала, чтоб поправить занавеску.

Аделаида присела на кровати и повернула голову. Чёрные волосы не заплетены как обычно в две жидкие короткие косички, поэтому тут же рассыпаются по плечам. «Да вон же она! Настоящая живая бабуля расправила занавеску и идёт к ней! Откуда она тут?! Горло болит как при ангине. Говорить совсем не хочется. И что говорить? Прилечь бы опять… только вот очень хочется потрогать розовое, похожее на мороженое, платье то ли на ребёнке, то ли…

– Тебе нравится кукла? – Бабуля наклоняется над второй подушкой в ногах и бережно, словно хрустальный башмачок, берёт в руки голубоглазую блондинку с кружевными панталончиками. – Не надо, не надо ничего говорить! – Бабуля успевает прикрыть Аделаидин рот ладонью, чтоб хриплый

визг счастья не сорвался с потресканных губ. – Тебе пока нельзя разговаривать. У тебя сейчас голоса нет, представляешь? Даже немного странно, да? Хочешь сказать и не можешь! Смотри, какая красивая, правда? – Бабуля осторожными движениями поправляет кукле причёску. Бабуля наклоняется над Аделаидой и медленно целует её в лоб:

– Нет у тебя температуры, – говорит она, – значит, всё прошло хорошо! У тебя что-нибудь болит? Хочешь водички?

Аделаида, прижимая к себе розовое чудо, отрицательно мотает головой. Она очень даже рада, что надо молчать. Горло щиплет то ли от дырок, образовавшихся после вырывания гланд, то ли от слёз восторга… Она всё сильнее прижимает к себе куклу. Её фарфоровое личико прохладное и очень гладкое. Они почти одного роста! Как жаль, что куколка всё же не живая и не может Аделаиду поцеловать! А как хочется прижаться к тёплому телу! Аделаида всё сильней прижимается лбом к холодному кукольному лбу, в надежде, что он согреется и кукла оживёт. Но холодная кукла сама не обнимает Аделаиду, только милостиво позволяет ей трогать себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.